

Дмитрий Анатольевич ВЕРЕСОВ

родился в 1962 году.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор трёх поэтических книг

(«Пространство усталого света», 1996,

«Сокрушение снега», 1999, «Отступление в осень», 2008),

автор книги прозы «Прощание с Хуанхэ» (2006),

более полутора десятков сценариев

к телевизионным художественным фильмам.

Член Карельского союза писателей.

Живёт в г.Петрозаводске.

Дмитрий

ВЕРЕСОВ

г. Петрозаводск

* * *

Вновь зачем, скажи на милость,
всё печалью замело,
ничему не научилось
сердце глупое моё.

Ведь казалось, что бывшее
отшумело, отошло,
но калёною стрелою
душу снова обожгло.

Если больно — значит, надо,
я кружу бездумно по
Губернаторскому саду
в строгом, как любовь, пальто,

надо мною — воздух синий,
под ногами — рыхлый лед.
Господи, как я — всемогущ...
Нет, храбрюсь, наоборот.

*«Наполнено небо
свободой моей...»*

ОСЕНЬ

Тихо, как старость, приходит в нелепом пальто,
робко стоит за дверями слезливая осень,
шаркает, кашляет, шепчет неведомо что
и исчезает, как будто и не было вовсе.

Только ведь, полуслепая, вернётся потом,
входит без стука уже, не снимая галоши,
тычет повсюду клюкою как жёлтым перстом
и отвергает — не надо — протянутый грошик.

Словно всё ищет — сосновый, дубовый ли гроб
или по-своему мир очищает от скверны...
— Это могилка её? — Нет, мой ангел, сугроб.
— Где же могилка её? — Там, на небе, наверно.

* * *

Вот уж весна расправляет замёрзшие крылья,
небо всё глубже, а ветер дежурный — теплый,
только душа от отчаянья или бессилья
прячется, жмётся — и нет ничего веселей.
Нет ничего веселей — рассыпается Слово,
нет ничего — кто чего-то восторженно ждёт...
Прошлого лета трава на проталинах, словно
предупреждением вечным: ...И это пройдёт.

* * *

За рекою – пустая деревня,
сорок лет как никто не живёт,
бузина, молодые деревья,
бесплезная тяжесть ворот,

вот изба с тусклой вывеской «Почта»,
даже Бог не напишет сюда...
Есть в наличии клуб, между прочим,
впрочем, умер, как жизнь, навсегда.

Время – где-то стремглав, где – застынет,
сорок – словно шагов до ворот,
сорок лет Моисей по пустыне
осторожно водил свой народ,

здесь же тоже, но без провожатых,
все ушли... в небеса, в города,
воля вольная, небо – в заплатах,
память – в мёртвом колодце вода.

* * *

Смерть – на кончике иглы, а игла – в яйце,
дальше – утка, утка – в зайце, заяц же – в ларце,
а ларец висит на дубе, этот сонный дуб
погружён в сырое небо, там, где ветер груб.

Он качается от ветра, золотой ларец,
упадёт, его откроет добрый молодец,
вспорот утку, вскроет зайца и найдёт яйцо,
чтобы кто-то смерти горько посмотрел в лицо...

Под луной ничто не вечно – все обречены,
каждый ж мнит себя бессмертным, в этом нет вины.

Где-то на горе, на дубе, так же, на цепях
мой ларец висит, качаясь, на семи ветрах,
снова заяц, снова утка, а внутри – игла,
как бы ни было бы больно, как бы жизнь ни жгла,
ты пока покойся в небе, черный мой ларец,
ты поспи еще под дубом, добрый молодец...

* * *

Закатом немислимым запад объят,
что больно глазам от простора,
на старом заборе – блестящий плакат,
какие-то выборы скоро...

Сколь тщетно всё, кроме скользящих огней,
и ломаных судеб не стоит,
наполнено небо свободой моей,
свободой, как небо, простою...

* * *

Вселенная и Бог в твоих глазах,
в моих глазах – твоё лишь отраженье,
ну, значит, что ж – я проиграл сраженье,
да и не думал выиграть, в стихах,
случайных, смутных, разве дать понять
тебе, что это боль и не случайно...
И свет весны ложится синей тайной
на сны, где я могу тебя обнять.

ЗВЕЗДА

Поймёшь, что всё – не навсегда –
усталость и несчастий сумма,
когда проклянется звезда
сквозь лунный затаённый сумрак

и отзовётся в глубине
души моей и подсознания,
что в мире есть не только «не»,
но и любовь, и созиданье,

поймёшь, что то, что есть внутри –
не просто – ожиданье боли.
Смотри же на звезду, смотри,
она – твоё прощенье, что ли...